

В результате событий, описанных в предыдущем, первом томе, в сцепленный период 19–24 августа 1941 года и 20–25 апреля 2018 года, в мирах, связанных межмировым порталом, сложилась следующая военно-политическая ситуация.

В 1941 году 3-я танковая дивизия вермахта с разбега наткнулась на свежее образовавшийся портал и с ходу ввязалась в войну с существующей в 2018 году Российской Федерацией. Германская группировка вторжения была разгромлена, после чего Вооруженные силы Российской Федерации приступили к боевым действиям на территории 1941 года. В результате потерпела поражение повернувшая на юг вторая танковая группа генерала Гудериана. Наступающий в центре позиции 24-й моторизованный корпус в боях с передовой группировкой ВС РФ был разгромлен и почти полностью уничтожен. Расположенные на левом фланге 46-й и 47-й моторизованные корпуса вермахта увязли в боях с занявшими выгодные позиции дивизиями РККА и механизированными фланговыми заслонами российских войск, которые, смешавшись с советскими частями, придали их обороне достаточную устойчивость.

После кадровых перестановок в высших кругах советского генералитета маршал Тимошенко уехал командовать Туркестанским военным округом,

а генерал армии Жуков получил должность командующего Брянским фронтом, в полосе которого действовала группировка ВС РФ.

Итак (на утро 24 августа) ничего еще не было предпринято — ни на юге, ни на севере. План окружения советского Юго-Западного фронта при выпавшей второй танковой группе терял свой смысл, тем более что большая часть подвижных соединений первой танковой группы, а также пехотных резервов группы армий «Юг» снимались с фронта, грузились в эшелоны и направлялись в район Могилев—Смоленск для противостояния внезапно возникшей угрозе со стороны пришельцев из будущего. То же самое претерпевала группа армий «Север» и подчиненная ей четвертая танковая группа, только что прорвавшая Лужский рубеж и замкнувшая кольцо окружения пока что вокруг Таллина. Теперь на планах прорыва к Ленинграду можно было ставить крест. Оставшихся в составе группы армий «Север» войск едва хватало для отражения неумелых, но яростных контрударов Красной армии, стремящихся восстановить положение.

Один умный человек заметил, что при резких неблагоприятных изменениях обстановки германское командование в силу своего тщательно культивируемого педантизма склонно впадать в состояние, близкое к панике. Вот и сейчас панику германского генералитета усиливала беспомощность германской же разведки, которая была не в состоянии получить никаких разведанных из района, в котором действовали пришельцы из будущего. Радиоразведка беспомощно разводила руками, не в силах поймать хоть одну радиопередачу пришельцев, люфтваффе потеряла самолет за самолетом, но ни один пока еще не вернулся с внятным донесением и фотопленками, а раз-

ведгруппы спецполка «Бранденбург-800» падали как камни в мутную болотную жижу и исчезали бесследно. Никто в германском генералитете еще не знал, какие силы пришельцы ввели через портал в 1941 год — дивизию, корпус, армию или группировку, по своей мощи превосходящую все мыслимое и немислимое. Правда, были для немецкого командования и довольно утешительные сведения. Генерал Модель, втравивший Третий рейх в прямой конфликт с Российской Федерацией, докладывал, что портал крайне неодобрительно относится к переброскам крупных масс людей и техники, увеличивая при этом сопротивление до невыносимых величин. Вот и германское командование надеялось, что группировка российских войск будет небольшой по численности при крайне затрудненном снабжении боеприпасами.

Но некоторые наиболее осведомленные и наиболее трезвомыслящие представители этого генералитета еще до появления пришельцев из будущего считали, что раз Советскую Россию не удалось поставить на колени в течение первых восьми недель войны, предусмотренных планом «Барбаросса», то войну против СССР можно считать проигранной. По крайней мере, считали генералы, в случае заключения «похабного мира» ее можно будет считать не выигранной до конца.

В Первую мировую войну Германия за счет начальных успехов тоже смогла оккупировать почти всю Бельгию и значительную часть Северной Франции, все четыре года вела боевые действия на чужой территории, и в итоге ту войну все-таки проиграла. Позиционная война — или война на истощение — для этих осведомленных и трезвомыслящих считалась синонимом понятия «поражение». А тут еще и пришельцы, вооруженные до зубов и, главное, относя-

щиеся к «дойче зольдатен, ундер официрен» как к каким-нибудь унтерменшам. Германский генералитет и та часть высшего руководства Рейха, чей разум не был зашорен людоедскими национал-социалистическими догмами, находились только в самом начале поисков так называемого «приемлемого выхода», действуя пока каждый сам по себе. И эти поиски должны были привести этих людей либо на эшафот в тюрьме «Моабит», либо в правительство новой, послевоенной Германии.

В 2018 году на утро 25 апреля сложилась следующая обстановка. Вот уже несколько дней Российская Федерация ведет ограниченную по масштабам и средствам войну с фашистской Германией в 1941 году. Что-то вроде сирийской операции наоборот. В Сирии основная роль в нанесении поражения международному террористическому интернационалу принадлежит воздушно-космическим силам, а сухопутные войска выполняют вспомогательные функции. В войне с германским фашизмом в 1941 году основная тяжесть сражений ложится на танкистов, мотострелков, артиллеристов, зенитчиков уже практически полностью переброшенной в 1941 год 1-й гвардейской танковой армии и включенной в ее состав 144-й мотострелковой дивизии. При этом ВКС участвуют в процессе поскольку постольку — из-за того, что пока не решен вопрос о переброске на ту сторону современных самолетов. Для этого возле портала необходимо строить две бетонные ВПП 1-го класса протяженностью не меньше трех с половиной километров и соединять их проходящей через портал рулежной дорожкой. Фактически масштаб предполагаемого строительства требует отселения населенных пунктов сельского поселения Красновичи, закрытия автодороги Унеча—Сураж для проезда

гражданского автотранспорта и строительства с нуля в окрестностях портала полноценной военной базы. Руководство страны по этому поводу пока в сомнениях — а может быть, и так обойдется, без всяких аэродромов?

У руководства и без этого двойного аэродрома голова пухнет. Во-первых — президента, министра обороны, начальника Генерального штаба и прочее командование ВС РФ особо беспокоила затеянная американцами дополнительная возня с украинскими националистами, чтобы те, презрев инстинкт самосохранения, взяли бы и объявили России полноценную войну, а чтобы та опять не отвертелась, вторглись бы всей своей кодлой на российскую территорию. И в Кремле, и на Фрунзенской набережной понимали, что укровоаяки, если их сразу не отоварить по полной программе и не загнать обратно за линию границы, дел на российской территории могут натворить не меньше, чем гитлеровцы — проверено на Донбассе; и так же, как на Донбассе, их будет поддерживать все прогрессивное человечество — Трамп, Мэй, Меркель и Макрон с кучей продажных западных журналюг на подпевке и подтанцовке. Именно поэтому, как и в том страшном для нас сорок первом году, воинские части из внутренних округов пополнялись добровольцами и отчасти мобилизованными, после чего грузились в эшелоны и мчались на запад по зеленой улице. Пока они не прибудут и не займут позиции вдоль границы, главную роль в сдерживании агрессии будут играть части прикрытия, группировка ВКС и «Калибры», летящие со стороны Черного, Каспийского, Баренцева, Белого и отчасти Балтийского морей.

Именно поэтому получившая от хозяина приказ «убиться об стену» Украина (или территория «404»)

напоминала туалет типа сортир, в который хулиганы ненароком уронили пачку дрожжей. Одни (большие начальники) паковали чемоданы для отъезда на ПМЖ на Запад. Собирая все ценное, хрупкое, бьющееся, они требовали, чтобы никто ничего не начал, пока они не удалятся на безопасное расстояние. Коррупция на Украине — это основа политики, поэтому, как ни пытались националисты в Раде проташить объявление войны «стране-агрессору», у них все время не хватало голосов.

Другие украинские деятели ударились в пир во время чумы, празднуя предстоящую войну с помощью факельных шествий и народных гуляний с дудками, барабанами, салом и горилкой, тем более что весенняя погода позволяла. Уже был позабыт недавний холод, когда ледяная рука генерала Мороза схватила Нэньку за горло, а что будет в следующем году — их волновало мало. Да и будет ли он, этот следующий год — последние времена настали, один раз живем. Вон, говорят, на москалей опять Гитлер напал, то ли еще будет.

Третьи запасали соль, сахар, масло, керосин, спички и рыли в лесах схроны, надеясь в них пересидеть все самое страшное, включая возможную ядерную войну между Россией и НАТО. Но и их надежды тоже были тщетны, потому что запасы рано или поздно закончатся и желающим отсидеться придется вылезти на свет божий, под прицел тех, кто в настоящий момент представляет на этой земле власть. Четвертые просто ждали в тупом безразличии, ничего не предпринимая. Им было все равно, чья власть наступит в их селе, районе, области, и они же должны были стать первыми жертвами заварушки, ибо тех, кто сидит смиренно, режут обычно прежде всех. Пятые готовились бороться с «оккупантами», шестые —

встречать солдат-освободителей, и для этого доставали приныканные с лучших времен еще советские дембельские парадки.

Что касается военной составляющей всего этого балагана, то неизмеримо сложно оказалось развернуть фронтом на восток основную ударную группировку ВСУ, до последнего момента нацеленную рылом на Донбасс. Да и снимать с донбасского направления хоть сколь-нибудь значимые силы украинским генералам было страшно. Потому что даже им было понятно, что с момента нападения на Россию лесом пойдут Минские соглашения, ОБСЕ, ООН, Нормандская четверка и прочие ограничители активности Новороссии, и украинская армия окажется под двойным ударом. Но в таком случае, если не снимать войска с Донбасса, то чем атаковать Россию? Одним Ярошем, который все обещает дойти до Москвы? Вот именно поэтому давно анонсированная война все не начиналась и не начиналась.

Часть 1

МОМЕНТ ИСТИНЫ

24 августа 1941 года, 10:55.

Москва, Кремль,

кабинет Верховного Главнокомандующего

Пронзительный и требовательный звонок телефона ВЧ-связи разорвал тишину, царящую в сталинском кабинете. Не спеша Вождь снял трубку, сказал: «Алло» — и услышал в ответ: «Доброе утро, товарищ Сталин. У аппарата генерал армии Жуков».

— Доброе утро, товарищ Жюков, — ответил Сталин и спросил: — Ви уже закончили инспекцию войск потомков и Брянского фронта?

— Так точно, товарищ Сталин, — ответил Жуков, — закончил.

Верховный немного помолчал, потом произнес:

— Ну и что вы можете сказать об их боеспособности? Говорите, товарищ Жуков, не тяните, ведь вы же пришли уже к определенному выводу?

— Что касается боеспособности потомков, — сказал генерал армии, — то она находится на очень высоком уровне, разбитая и откатившаяся назад вторая танковая группа немцев тому свидетель. Их основная тактическая единица — батальонная тактическая группа, состоящая из тринадцати тяжелых и сорока легких танков при поддержке самоходной зенитной и минометной батарей. Основной калибр их самоходных артиллерийских орудий — сто пятьдесят два миллиметра при дальности стрельбы в двадцать пять километров. Таких самоходных орудий у них по восемнадцать в артдивизионах мотострелковых или

танковых полков и пятьдесят четыре в дивизионном артполку...

— Мы вас поняли, товарищ Жуков, — сказал Сталин, — что огневая мощь и маневренность потомков находятся на высоте. Вы нам скажите другое. Нас интересует, могут ли бойцы нашей Рабоче-Крестьянской Красной Армии эффективно взаимодействовать с подразделениями потомков или нет?

— Да, товарищ Сталин, — ответил генерал Жуков, — могут. И даже очень эффективно. В некоторых местах остатки наших разгромленных под Кричевом и Рославлем частей выходили из окружения на подразделения потомков и стихийно присоединялись к ним, лишь бы остаться на передовой и вести бой с врагом. В связи с этим считаю целесообразным создать на основе 1-й гвардейской танковой армии потомков смешанную группировку войск, придав ей стрелковые дивизии нашей 13-й армии, временно оказавшейся вне зоны боевых действий.

— Товарищ Жюков, — после некоторой паузы сказал Сталин, — пожалуйста, подробно обоснуйте свое предложение. Нам, например, целесообразность такого шага совсем не очевидна.

— Во-первых, — с нажимом произнес Жуков, — после сражения в районе Кричева, в ходе которого 13-я армия была разгромлена противником и в беспорядке отступила на юго-восток, в составе армии имеется только одна полнокомплектная дивизия, полученная из недавнего пополнения. Остальные дивизии утратили в боях весь транспорт, тылы и все тяжелое вооружение, до станковых пулеметов включительно, от их старого личного состава, имеющего боевой опыт, практически ничего не осталось. В настоящий момент эти пять стрелковых дивизий — 6-я, 155-я, 121-я, 132-я и 148-я — пополняются личным

составом прибывающих на фронт маршевых батальонов, вооруженных только винтовками «Мосина», в силу чего даже после наполнения личным составом до полной численности их можно будет считать малобоеспособными. Поступившая на фронт сформированная в июле-августе этого года 307-я стрелковая дивизия вооружениями по штату укомплектована полностью, но ее личный состав не прошел полного курса обучения и тем более не имеет боевого опыта.

Во-вторых — командующий 13-й армией генерал-майор Голубев так же пригоден к исполнению своей должности, как дятел для передачи телеграфных сообщений. Уже ко времени сражения в районе Кричев—Милославичи входящие в состав 13-й армии полки сточились до батальонов, дивизии — до численности полков, но задачи им все равно нарезались как полнокровным частям и соединениям, что и привело к их полному разгрому.

В-третьих — радиоразведка у потоков поставлена на достойную высоту, и они свободно читают те радиogramмы, которыми фон Бок обменивается со своими корпусами и армиями, с командующим группы армий «Юг» фон Рундштеттом, командующим группы армий «Север» фон Леебом и с Берлином. Так вот — из всего этого радиообмена следует, что в настоящий момент высшее немецкое командование находится в состоянии паники, и больше всех паникует сам Гитлер. Как говорят сами потомки, пылающие письма на темной стене никому даром не проходят.

— Хм, — сказал Сталин в трубку. — Мэне, текел, фарес?

— Вот именно, — подтвердил Жуков, — появление на фронте потомков со всеми их танками, артиллерией и ударными винтокрылыми аппаратами, так сильно напоминающими одну из разновидностей оружия

судного дня из Библии, означает, что тот, кто решает судьбы нашего мира, решил покончить с Гитлером и его присными быстро и без особых жертв с нашей стороны.

«Да уж, — подумал Сталин, — ты, товарищ Жуков, не знаешь, а я уже знаю. Если потомкам будет надо, они притащат сюда такой ужас, что для всех их и наших врагов и в самом деле наступит настоящий Апокалипсис».

Тем временем Жуков продолжил:

— Из-за этой охватившей германское командование паники в настоящий момент свертываются все активные операции на других фронтах, и все высвободившиеся резервы перебрасываются под Смоленск и нацеливаются против группировки потомков. С целью задавить армию потомков подавляющим численным преимуществом немецкое командование хочет собрать в один кулак в течение двух недель до двух с половиной тысяч танков (то есть все, что у них еще осталось) и два миллиона солдат и офицеров. Для отражения этого удара войска потомков уже переходят к обороне, просят усилить их стрелковыми частями и готовятся встретить врага на заранее подготовленных рубежах.

— А что, — ехидно спросил Сталин, — они уже отказались от плана получить себе стрелковое пополнение, освобождая наших пленных из немецких лагерей?

— Операция по освобождению Рославльского лагеря военнопленных прошла вполне успешно, — возразил Жуков, — десять тысяч наших бойцов снова встали в строй и сейчас готовятся к новой схватке с врагом. Но в масштабах грядущего сражения это совершенно недостаточная величина, а другие подобные лагеря для военнопленных расположены